

Случившееся с ним

Александр Солженицын на телеэкране

Дмитрий Шушарин

Телевизионная активность Александра Солженицына вызвала необыкновенную радость у тех, кто считает себя его оппонентами. Радость пошлую и в общем-то подлую. Потому что: «Врете, подлецы!» Сколько бы вы ни говорили о «голом короле» и не выносили бы на обложки журналов сообщения о том, что нобелевский лауреат «обманывает читателей», все это не о Солженицыне, который принадлежит другому контексту.

Но тому же времени, что и его хулители. Только им не стоит по этому поводу радоваться. Из того, что писатель остался в XIX столетии, из того, что XX век для него — век ГУЛАГа, а не век Манделышта и отца Александра Шмемана (несмотря на знакомство и общение с ним), вовсе не следует, что между ним и наследниками Чернышевского и Ленина существует равенство.

Телевизионные неудачи Солженицына столь же культурно и исторически значимы, как журнально-издательские неудачи Достоевского, как многословие, бездарность и наивность — не всегда безобидная — «Дневника писателя». Именно Достоевского — толстовское проповедничество несопоставимо с деятельностью Солженицына уже потому, что Толстой как проповедник был удачливее Достоевского, и Солженицына. Удачливее по той причине, что граф Лев Николаевич пытался создать привлекательный новодел, а Федор Михайлович с Александром Исаевичем пытались вернуть людей к вещам простым и давно известным. «Толстовская борода» и «сталинский полувоенный китель», выбранные Львом Лосевым для портрета Солженицына, — поверхностные детали, не более. Он далек от этих персонажей русской истории, к ним гораздо ближе те, кто считает себя его оппонентами. Только считает, потому что Солженицын принадлежит к тому узкому кругу деятелей культуры, спорить с которыми нельзя. Не потому, что запрещено, и не потому, что бесполезно, а потому что смешно.

Солженицын на телевидении — тоже тема анализа, свободного и от радости, и от грусти по поводу явных неудач писателя, чьи телесобеседники были до сих пор люди, явно не соответствующие его уровню, что было одной из причин провала. Но главная причина — в другом.

Легко и просто поддаются анализу последние выступления. Все на поверхности. Очевидно, что человек, противопоставляющий учителя журналисту, привержен ценностям общества патриархального, традиционного; очевидно, что в этом есть у Солженицына предшественник, любивший порассуждать о том, как

следует учительствовать и непременно женить и выдавать замуж учеников и учениц почти (почему, впрочем, почти?) насильственно. Он же проклинал «Мефистофеля-Гутенберга», сделавшего всех писателей рабами своих читателей, а заодно и всю русскую литературу.

Но тошнотворный Василий Васильевич не дожидаясь эпохи, названной догутенберговой («Апокалипсис нашего времени») он-таки печатал и худо-бедно распространял, которую Солженицын пережил, более того — победил, во всяком случае немало способствовал ее скорейшему завершению. Можно, конечно, выстроить интересную цепочку, в которой будут и Розанов, и Суворин, и Чуковский, и Солженицын, но об этом лучше порассуждать в сочинении другого жанра и объема. Сейчас же речь о другом.

У Солженицына с Розановым ровно столько общего, сколько общего у них обоих с русской литературой, все слабости и пороки которой сосредоточились в профессиональном завистнике и ненавистнике В. В. И последователи у него есть, но только далеки они от нобелевского лауреата, а он от них. Но далеки не потому, что принадлежат разным эпохам, а потому, что в затынувшемся XIX столетии и они, и их предшественники находились не то что на разных уровнях — в разных измерениях. Но все же в одном веке. Правота Достоевского, Солженицына и Розанова тоже в их полемике с социализмом, с левыми тенденциями русской общественной мысли — это правота XIX века, причем русского XIX века, не заметившего, в частности, Льва XIII и его энциклику *Rerum novarum*, принадлежащую, как и творения Владимира Соловьева, умершего в последний год XIX столетия, уже XX веку, так и не начавшемуся в России.

Все высказывания Солженицына должны рассматриваться в первую очередь в контексте истории русской литературы последних почти уже двухсот лет. Ну, может быть, ста пятидесяти. Его отношение к частной собственности на землю и к возможной торговле землей, к частному предпринимательству и свободному рынку, наконец, к политическим свободам и особенно к свободе слова (отношение к парламентской демократии — особый случай) во многом совпадает с тем строем мыслей и чувств, что мы встречаем у Гоголя и Достоевского. Те же мечты о труженике, связанном с землей, те же рассуждения об «ударе рублем» в конце века и «ударе долларом» в ходе реформ. Высказывания Солженицына, которые более всего удивляют, касаются прежде всего тех сторон общественного развития, без коих невозможна модернизация. Однако нобелевский лауреат восстал не против модернизации, ибо, в конечном счете, его поиск личности в националь-

ной истории есть поиск субъекта модернизации. Он выступил против методов и способов ее осуществления, хотя других то нет.

И дело даже не в принципиальном непонимании того, что монетаризм есть форма коммунизации, без которой немислимо современное общество, равно как и без современных средств массовой информации и без некоторого изменения положения учителя в обществе, и без сильного государства, способного решать задачи, кои никакое земство решить не может. Дело в том, что и в конце XX века литература рассматривается как некий универсальный способ социального мышления. И не Достоевский с Солженицыным в этом виноваты, а те исторические обстоятельства, в которых оказалась русская нация; не претензии литературы тому причиной, а состояние общественных наук, донные остающихся левыми и антигуманитарными.

Суждения национального гения всегда содержат точное определение особенностей своей нации, но вместе с этим они, как правило, во всяком случае очень часто, во всяком случае в России, воспроизводят и наиболее порочные черты национального самосознания. Так было с Гоголем и Достоевским, так и с Солженицыным. Но вот хватило же ума даже и профессионализма Гоголю, чтобы сказать: «Искусство есть примирение с жизнью». И признать: «Не мое дело поучать проповедью. Искусство и без того уже поученье. Мое дело говорить живыми образами, а не поученьями».

«Живыми образами» Солженицын сказал достаточно. А поученья — увя, звучат из прошлого века. Все нынешнее столетие, кажется, сводится им к ГУЛАГу и мировым войнам. Но ведь было и другое.

Было и единство потока, если воспользоваться словами Надежды Манделыштам. XX век был для России веком ее долгого выпадения из истории цивилизационной, но не культурной. Один из давних хулителей Солженицына, Григорий Померанец, поведал недавно, что так и не дочитал ее «Вторую книгу», потому что «поднималось давление». И это вполне естественно: слова о советской интеллигенции, уничтожившей интеллигенцию русскую, сказаны и о нем. Но если мы не видим среди наследников Чернышевского людей, способных к актуализации традиций русской культуры XX столетия, если надежда на «барина из Вермонта» (которую, кстати, Солженицын не подавал — те, кто надеялся, должны винить самих себя) тоже не оправдалась, то это означает лишь одно: идти дальше придется без провожатого. Выросли. Пора понимать, кто мы, то есть обрести к концу XX века национальную идентичность. И не надо бояться: «Впереди не провал, а промер».